

DOI 10.35775/PSI.2026.127.3.032

УДК 327

ЯНЬ ЛИНЬЛИНЬ

аспирант кафедры международных отношений,
мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского)
федерального университета (КФУ),
Россия, г. Казань
E-mail: linyan@kpfu.ru
<https://orcid.org/0009-0009-3214-8126>

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ И ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Цель статьи – концептуализировать энергетические конфликты в Центральной Азии и выявить основные факторы их возникновения и развития.

Методология исследования опирается на анализ научной литературы, а также на сравнительный и системный подходы. В работе используются методы качественного анализа источников. Применяются и элементы кейс-анализа. Такой подход позволяет детально рассмотреть, как ресурсная структура, институциональные условия и внешнеполитические факторы влияют на энергетические противоречия в регионе.

Результаты исследования показывают, что энергетические конфликты в Центральной Азии формируются под воздействием целого ряда причин. Ключевую роль играет неравномерное распределение энергетических ресурсов. Такая дифференциация ведет к различиям в национальных энергостратегиях. Серьезную проблему представляет изношенная инфраструктура. Большинство трубопроводов и электросетей были построены еще в советский период. Систематической модернизации не проводилось.

Наряду с этим растет внутреннее потребление энергии. Особенно остро дефицит проявляется зимой. Существенны и институциональные ограничения. Речь идет о слабом государственном регулировании, непрозрачных контрактных механизмах и несправедливом распределении доходов от ресурсов. Кроме того, значительное влияние оказывают внешние акторы. Россия, Китай, США и Европейский союз реализуют в регионе собственные энергетические проекты. Они развивают экспортные маршруты, но одновременно обостряют геополитическую конкуренцию.

В заключении делается вывод о том, что энергетические конфликты в Центральной Азии носят многомерный, комплексный характер. Они возникают на стыке ресурсных, инфраструктурных, институциональных и внешнеполитических факторов. Именно это определяет их значительное влияние на региональную стабильность.

Ключевые слова: энергетические конфликты, Центральная Азия, Энергетические ресурсы, Трубопроводы и инфраструктура, Влияние внешних держав.

Введение. На современном этапе мировая энергетика переживает глубокую структурную перестройку. Доступ к ресурсам, их распределение и контроль все теснее вплетаются в систему межгосударственного взаимодействия.

Энергетические конфликты в таком контексте предстают как многоуровневое и многомерное явление. Они формируются под воздействием целого ряда факторов, и дело здесь не только в дефиците ресурсов как таковом. Неравномерность распределения ресурсов, несовершенство механизмов распределения доходов, разница в эффективности государственного управления – все это способствует тому, что латентные противоречия перерастают в открытые экономические и политические конфликты.

Центральная Азия дает наглядный материал для анализа подобных процессов. Здесь сочетаются богатый ресурсный потенциал и ярко выраженная неоднородность энергетических систем. С одной стороны, несколько стран ориентированы на экспорт углеводородов и прочно встроены в глобальные энергетические рынки. С другой – государства, где доминирует гидроэнергетика, сталкиваются с проблемами трансграничного регулирования водных ресурсов.

Энергия выступает не только фундаментальным условием экономического развития, но и ключевым фактором социально-экономического прогресса. Она влияет на работу промышленности, инфраструктуры и социальной сферы. В то же время энергия ограничена, ее нередко не хватает, а стратегическое значение для национальной безопасности трудно переоценить. Именно поэтому энергетические ресурсы становятся мощным источником потенциальных конфликтов – как внутри стран, так и между ними. Энергетическая безопасность зависит не только от доступности ресурсов. Важны также стабильность цен на внутреннем и мировом рынках, а также надежность транспортных и логистических систем, обеспечивающих поставки [15. С. 79].

Однако важно подчеркнуть: сам по себе дефицит энергоресурсов напрямую к конфликтам не ведет. Он превращается в фактор напряженности и социальных противоречий лишь при определенных условиях. Речь идет о промежуточных механизмах: экономическом давлении, институциональной нестабильности, социальном неравенстве, а также слабостях государственного управления и регуляторных механизмов [9. С. 12-27]. Именно эти механизмы переводят ограниченность ресурсов в реальные протесты, волнения и политические конфликты. Все это подчеркивает сложную, многоуровневую природу энергетической безопасности как социального и экономического явления.

В условиях международной конкуренции контроль над ресурсной базой, ключевыми транспортными коридорами и энергетической инфраструктурой приобретает стратегическое значение. Возникающие конфликты выходят за рамки чисто экономических разногласий. Они обретают ярко выраженное измерение безопасности – вплоть до военного компонента и геополитического противостояния между государствами и региональными игроками [11]. Контроль над энергоресурсами и маршрутами их доставки становится инструментом стратегического влияния. С его помощью можно формировать баланс сил в регионе и определять, насколько страны способны реализовать свои экономические и внешнеполитические интересы.

Энергетическая безопасность – это не просто доступ к ресурсам. Она складывается из сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов. К внешним относятся перебои в поставках, волатильность цен на мировых рынках, санкции и политические ограничения. К внутренним – эффективность государственного управления, прозрачность контрактных механизмов, надежность инфраструктуры и способность общества справляться с кризисами [7. С. 419].

Важны и физические, и структурные характеристики энергоресурсов. Среди них: уровень концентрации месторождений, различия между крупными нефтегазовыми объектами и распределенными активами, способы транспортировки и распределения. Также играют роль государственные институты, участие местных сообществ и механизмы распределения доходов. В совокупности эти факторы определяют, при каких условиях возникают энергетические конфликты, как они протекают и в какие формы выливаются [13. С. 108-110]. Причем одни и те же факторы могут создавать как возможности для сотрудничества и интеграции в энергетике, так и источники напряженности и конкуренции между государствами. Это лишний раз подчеркивает сложный, многомерный характер энергетических противоречий.

Центральная Азия располагает богатыми запасами нефти, природного газа и гидроэнергии. Это делает регион важной и стратегически значимой частью глобальной энергетической геополитики. На Казахстан, Узбекистан и Туркменистан приходится более 95% доказанных запасов природного газа в регионе. Запасы Туркменистана оцениваются примерно в 17 трлн кубометров – это четвертый показатель в мире [14].

Таджикистан и Кыргызстан, напротив, обладают большим потенциалом гидроэнергии. Они используют его как для внутреннего потребления, так и для экспорта электроэнергии в соседние страны. Водные ресурсы становятся для них ключевым элементом энергетической политики.

Географическое распределение энергоресурсов привело к серьезным различиям в структуре энергетики и внешнеполитических стратегиях стран региона. Казахстан и Туркменистан ориентированы в первую очередь на экспорт углеводородов. Их энергетические стратегии во многом зависят от международного спроса и глобальных колебаний цен.

Узбекистан стремится к балансу между энергетической самодостаточностью и активным участием на внешних рынках. При этом он обеспечивает стабильность внутреннего энергоснабжения. Таджикистан и Кыргызстан в большей степени полагаются на гидроэнергетику. Они сталкиваются с проблемами трансграничного регулирования водных ресурсов. Речь идет о согласовании графиков сброса воды и распределении выгод между энергетикой и сельским хозяйством [6].

Неравномерное распределение ресурсов создает не только разные уровни экономической зависимости и различия во внешнеполитических приоритетах. Оно также может стать источником межгосударственных и внутригосударственных конфликтов. Все это влияет на возможности координации региональных

энергетических инициатив и на формирование устойчивой энергетической политики.

Большинство трубопроводов, электросетей и других объектов энергетической инфраструктуры в Центральной Азии было построено еще в советское время. С тех пор они не проходили систематической модернизации, да и регулярного обслуживания тоже не было. В результате – значительные потери энергии и низкая эффективность электроснабжения. По состоянию на 2024 год средние потери при передаче электроэнергии в регионе достигали 12,8% [1]. Это серьезно ограничивает возможность покрывать растущий внутренний спрос и усиливает зависимость от внешних поставок.

Одновременно растет население, идет активная урбанизация. Внутренний спрос на энергоресурсы увеличивается. Однако наращивать производственные мощности мешают узкие места в трубопроводной сети и общая низкая эффективность существующих систем. В итоге Казахстан, Узбекистан и Туркменистан вынуждены импортировать природный газ из России, чтобы покрыть пиковый спрос в зимний период [5]. Это ярко показывает структурную уязвимость энергосистемы региона. Становится очевидной необходимость модернизации – как инфраструктуры, так и институциональных механизмов управления энергоресурсами.

Зимой в ряде стран Центральной Азии нередко не хватает энергоресурсов. Особенно это заметно в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане. Там наблюдаются перебои с отоплением и нестабильное электроснабжение. Во многих случаях государства вынуждены делать приоритетом экспортную выручку от энергоресурсов. Из-за этого население нередко сталкивается с дефицитом энергии и ростом цен. Так в энергетической политике стран региона возникает структурное противоречие. С одной стороны – экспортная ориентация сектора, с другой – необходимость обеспечивать внутреннюю стабильность.

Это противоречие способно вызывать социальное недовольство. В отдельных случаях оно даже становится фактором политической нестабильности [6]. Ряд исследователей также обращает внимание на конфликты между местными и центральными властями. Они связаны с распределением доходов от энергетики, регулированием цен на энергоресурсы и правами на использование гидроэнергии. Такие конфликты – важное проявление эндогенного характера энергетических противоречий в регионе [4].

Внешние факторы тоже во многом формируют энергетические противоречия в Центральной Азии. Казахстан и Туркменистан долгое время зависели от России в выборе экспортных маршрутов. Большая часть трубопроводной инфраструктуры находилась под ее контролем. Лишь в последние годы эта зависимость частично ослабла – благодаря строительству трубопроводов Китай-Казахстан и Китай-Туркменистан.

Тем не менее Россия сохраняет заметное влияние. У нее исторически сложившаяся сеть трубопроводов и доминирующие позиции на региональном энергорынке. Китай, в свою очередь, в рамках «Пояса и пути» вложил значительные средства в нефтегазовую инфраструктуру и энергопроекты. Он стал одним

из ключевых экономических партнеров Казахстана и Туркменистана. США и ЕС тоже не уходят из региона. Они используют инвестиции и санкционную политику, чтобы поддерживать свое влияние.

В последние годы энергетические конфликты в Центральной Азии особенно заметны. Они проявляются в договорных спорах, проблемах с транспортировкой ресурсов и внутреннем дисбалансе спроса и предложения. Показательный пример – разработка крупных месторождений Кашаган и Карачаганак. Казахстан не раз вел переговоры с международными нефтяными компаниями и пересматривал условия соглашений. Речь шла о структуре затрат, экологической ответственности, налоговом режиме и распределении национальных доходов [10].

Такие споры отражают не только конкуренцию из-за ограниченности и концентрации ресурсов. Они также показывают асимметрию институциональных механизмов и разницу в переговорных возможностях между государствами и транснациональными корпорациями.

Дополнительный источник конфликтного потенциала – уязвимость экспортной инфраструктуры, прежде всего трубопроводных систем. Каспийский трубопроводный консорциум (КТК) обеспечивает значительную часть экспорта казахстанской нефти на мировые рынки. Однако его работа периодически нарушается: технические неисправности, геополитическая напряженность, международные инспекции [8]. В 2025 году экспорт через порт Новороссийск резко сократился. Причины – ремонтные работы и атаки беспилотников. Казахстану пришлось искать альтернативные маршруты поставок, что обернулось для страны серьезными экономическими потерями.

Трубопроводы – ключевая инфраструктура для экспорта энергоресурсов. Они выступают важным инструментом геополитического влияния внешних игроков. Россия и Китай сотрудничают и соперничают в сфере энергобезопасности на Каспии и в Центральной Азии. Речь идет о контроле над трубопроводной инфраструктурой, безопасности экспортных маршрутов и регулировании контрактных отношений в рамках энергетической дипломатии. Все это во многом превратило государства региона в пространство стратегического взаимодействия внешних держав [3].

Однако у этих преимуществ появляются новые вызовы. Стареет инфраструктура, действуют внешние санкции, а страны Центральной Азии стремятся диверсифицировать направления экспорта энергоресурсов [12]. В таких условиях энергетическая инфраструктура и экспортные маршруты все чаще становятся инструментами дипломатического и политического влияния. Геополитическое давление, накладываясь на внутренние институциональные особенности государств региона, оказывает долгосрочное воздействие на развитие энергетического сектора Центральной Азии [2. С. 656].

Начало 2022 года в Казахстане запомнилось протестами. Поводом стала рыночная реформа ценообразования на сжиженный нефтяной газ. Резкий рост цен на топливо вывел людей на улицы. В считанные дни массовые акции переросли в общенациональные беспорядки. Этот случай наглядно показывает: энергетическая система уязвима, и у этой уязвимости есть социально-политические

последствия. Когда социальное и институциональное управление недостаточно эффективно, нестабильность на энергорынке способна быстро перерасти в политический кризис. Внутренняя стабильность государства оказывается под ударом.

В более широком смысле энергетические конфликты в Центральной Азии складываются под влиянием целого комплекса факторов. Среди них:

- последствия изменения климата для гидроэнергетических ресурсов региона;
- разная способность государств к эффективному управлению;
- коррупция и недостаточная эффективность регулирующих механизмов.

К этому добавляется низкий уровень интеграции энергетической инфраструктуры и энергетической политики – как внутри стран, так и между ними. Сказывается также система энергетических субсидий и высокая зависимость госбюджетов от доходов энергетического сектора. Все это способствует возникновению конфликтов: между центральными и местными властями, а также между странами-экспортерами и странами-потребителями энергоресурсов [4].

Если внешние санкции ужесточатся или геополитическая напряженность возрастет, то существующие институциональные недостатки могут дать о себе знать. Речь идет о непрозрачности контрактных механизмов, долговой зависимости и неблагоприятном инвестиционном климате. Все это способно привести к невыполнению договорных обязательств. Тогда возникают не только дипломатические противоречия, но и внутренние политико-экономические конфликты [2].

Географическое распределение энергоресурсов во многом определяет стратегическое положение стран региона. Имеются в виду экспортный потенциал, внутренняя энергетическая устойчивость и возможности участвовать в международных энергопереговорах. Такая дифференциация ресурсной базы ведет к различиям в национальных энергостратегиях и моделях участия в международных энергорынках. А это создает предпосылки для противоречий и конфликтов интересов [6].

Когда ресурсы ограничены, институциональные слабости и социальная напряженность могут еще больше обострять экономические и политические противоречия [9. С. 57-63]. Вместе с тем возникновение энергетических конфликтов определяется не только наличием ресурсов. Не меньшее значение имеет качество институционального управления в энергетическом секторе. Важную роль играют такие факторы, как механизмы регулирования контрактных отношений, распределение доходов от энергоресурсов и эффективность государственного регулирования.

Заключение. Энергетические конфликты в Центральной Азии возникают под влиянием ресурсных, инфраструктурных, институциональных и внешнеполитических факторов.

Неравномерность ресурсов порождает различия в стратегиях стран и создает почву для противоречий. Инфраструктура сильно изношена (еще с советского периода), что повышает уязвимость и зависимость от внешнего транзита. Институциональные проблемы – слабое госрегулирование, несовершенство

контрактов, несправедливое распределение доходов – ведут к внутренним конфликтам. Внешние игроки (Россия, Китай, США, ЕС) развивают инфраструктуру и маршруты экспорта, одновременно обостряя конкуренцию за ресурсы.

Таким образом, энергоконфликты в регионе носят комплексный характер и отражают пересечение внутренних и внешних факторов на фоне глобальной трансформации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Общее описание дорожной карты для создания связанной региональной энергетической системы в Центральной Азии. 2024 // https://unece.org/sites/default/files/2024-08/ECE_ENERGY_GE.5_2024_4_r.pdf.
2. **Ранджбар Д.М., Птицына В.А.** «Газовый союз» и будущее энергетического кризиса в Центральной Азии: SWOT-анализ // Постсоветские исследования. 2024. № 6 // <https://cyberleninka.ru/article/n/gazovyy-soyuz-i-budushee-energeticheskogo-krizisa-v-tsentralnoy-azii-swot-analiz>.
3. **Рахимов К.Х., Чмыхова Е.А. & Неточенко Е.А.** Взаимодействие РФ и КНР в обеспечении энергетической безопасности в Прикаспийском регионе // Постсоветские исследования. 2024. № 8 // <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-rf-i-krn-v-obespechenii-energeticheskoy-bezopasnosti-v-prikaspiyskom-regione>.
4. **Телегина Е.А.** Энергетическая безопасность и энергетическая интеграция в Центральной Азии / Е.А. Телегина, Г.О. Халова // Энергетическая политика. 2017. № 1. EDN ZREKCL.
5. Central Asian Gas Sector and Broader Economic Implications. Special Eurasia. 2025 // <https://www.specialeurasia.com/2025/07/28/central-asian-gas-sector/>.
6. Central Asia's Great Energy Paradox. The Diplomat. 2023 // <https://thediplomat.com/2023/12/central-asias-great-energy-paradox/>.
7. **Cherp A., Jewell J.** The concept of energy security: Beyond the four As // Energy Policy. 2014. Vol. 75 // <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2014.09.005>.
8. Geopolitical and Operational Risks in the Caspian Pipeline Consortium. AInvest News. 2025 // <https://www.ainvest.com/news/geopolitical-operational-risks-caspian-pipeline-consortium-impact-energy-markets-2508/>.
9. **Homer-Dixon T.F.** Environment, Scarcity, and Violence. Princeton University Press, 1999.
10. Kazakhstan's oilfields, disputes and settlements with oil majors. Reuters. 2025 // <https://www.reuters.com/markets/asia/kazakhstans-oilfields-disputes-settlements-with-oil-majors-2025-01-28/>.
11. **Klare M.T.** Resource Wars: The New Landscape of Global Conflict. New York: Metropolitan Books, 2001.
12. **Liao J.X.** China's energy diplomacy towards Central Asia and the implications on its «Belt and Road Initiative» // The Pacific Review. 2021. Vol. 34. № 3. <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1705882>.

13. **Månsson A.** Energy, conflict and war: Towards a conceptual framework // *Energy Research & Social Science*. 2014. Vol. 4. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2014.10.004>.
14. Outdated Infrastructure Threatens Central Asia's Energy Security. *Times of Central Asia*. 2025 // <https://timesca.com/outdated-infrastructure-threatens-central-asias-energy-security/>.
15. **Yergin D.** Ensuring Energy Security // *Foreign Affairs*. 2006. Vol. 85. № 2 // <https://users.metu.edu.tr/utuba/Yergin.pdf>.

YAN LINLIN

Postgraduate Student, Department
of International Relations, World Politics, and Diplomacy,
Kazan (Volga Region) Federal University (KFU),
Kazan, Russia
<https://orcid.org/0009-0009-3214-8126>

CONCEPTUAL FRAMEWORK AND MAIN FACTORS OF ENERGY CONFLICTS IN CENTRAL ASIA

The purpose of this article is to conceptualize energy conflicts in Central Asia and identify the main factors driving their emergence and development.

The research methodology is based on an analysis of scientific literature, as well as comparative and systemic approaches. The study utilizes qualitative analysis of sources and also incorporates elements of case study analysis. This approach allows for a detailed examination of how resource structure, institutional conditions, and foreign policy factors influence energy tensions in the region. The study's findings demonstrate that energy conflicts in Central Asia are driven by a variety of factors. The uneven distribution of energy resources plays a key role. This differentiation leads to differences in national energy strategies. Aging infrastructure poses a serious problem. Most pipelines and power grids were built during the Soviet era, and no systematic modernization has been undertaken.

At the same time, domestic energy consumption is growing. Shortages are particularly acute in winter. Institutional constraints are also significant. These include weak government regulation, opaque contractual mechanisms, and an unfair distribution of resource revenues. Furthermore, external actors exert significant influence. Russia, China, the United States, and the European Union are implementing their own energy projects in the region. They are developing export routes, but simultaneously exacerbating geopolitical competition.

The study concludes that energy conflicts in Central Asia are multidimensional and complex. They arise at the intersection of resource, infrastructure, institutional, and foreign policy factors. This is precisely what determines their significant influence on regional stability.

Key words: energy conflicts, Central Asia, energy resources, pipelines and infrastructure, influence of external powers.